

ПАМЯТИ ВИМА ГРОЕНЕНДИЙКА: ЕВРОПА И РОССИЯ ПРЕДРАСПОЛОЖЕНЫ ДЛЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК

Д.э.н., профессор¹

6 февраля 2023 года от сердечного приступа скоропостижно скончался Вим Гроенендийк, мой визави – сопредседатель со стороны ЕС Рабочей группы 2 «Внутренние рынки» Консультативного совета Россия-ЕС по газу с начала 2020 года. Виму было всего 62 года...

¹ Советник генерального директора ООО «Газпром экспорт», профессор кафедры «Мировая экономика» Дипломатической академии МИД РФ, член Научного совета РАН по системным исследованиям в энергетике, сопредседатель с российской стороны Рабочей группы 2 «Внутренние рынки» Консультативного совета РФ-ЕС по газу (деятельность РФ-ЕС была приостановлена стороной ЕС 21.02.2022 на неопределенное время)

Уход из жизни каждого человека – всегда неожиданное событие, независимо от того, готовят ли вас к этому предшествующие обстоятельства или нет. Однако в некоторых случаях окружающие оказываются к этому тем более не готовы, поскольку не было видимых причин для внезапного ухода. Именно таким было мое личное (да и не только мое) восприятие внезапной кончины Вима – его внезапный уход совершенно не стыковался с его позитивной энергией, энтузиазмом, созидательным видением мира и отношением к жизни и профессии.

Я был знаком с Вимом (не могу привыкнуть, что теперь об этом нужно писать в прошедшем времени) с середины 2000-х, когда мы с ним впервые встретились и имели впоследствии рабочие контакты в основном по отдельным вопросам российско-европейской газовой повестки. А с начала 2020 года наше общение стало весьма интенсивным (хотя вследствие пандемии происходило в онлайн-режиме) после того, как руководство Директората по энергетике Еврокомиссии назначило Вима моим визави – новым сопредседателем со стороны ЕС в РФ2 КСГ.

Первый раз мы встретились с Вимом, где и познакомились, на одном из семинаров в Секретариате Энергетической Хартии (СЭХ) в Брюсселе (где я работал в 2002-2008 годах в должности заместителя Генерального секретаря этой многосторонней международной организации). Я не помню точно, на какую тему Вим выступал тогда, но я запомнил и сохранил свое впечатление от его выступления, которое он произвел и на меня, и на аудиторию: высокопрофессиональная презентация (без «воды» и излишеств в виде ненужных красивостей), хорошо аргументированная речь, спокойный деловой тон и приятный тембр голоса, убедительная манера поведения и общее визуальное впечатление. На долгие годы осталось с тех пор ощущение высокого качества, профессионализма. Помню, что тогда он был в «Шелл» и что его имя для меня было тогда трудно произносимым (впрочем, как и мое для него)...

С Вимом мы сразу начали доверять друг другу, и это доверие укрепилось в ходе нескольких значимых эпизодов, когда мы пытались найти взаимоприемлемые и взаимовыгодные, на наш взгляд, решения для России и ЕС.

Один из таких значимых эпизодов произошел в 2014 году в рамках обсуждения деталей создания морского газопровода «Южный поток» пропускной способностью 63 млрд м³/год с выходом на сушу в Варне (Болгария) и его дальнейшего сухопутного продления до Баумгартена (Австрия) и Тарвизио (Италия). К сожалению, проект тогда не смог быть реализован в его изначальной конфигурации и превратился в итоге в проект «Турецкий поток» (половинной мощности от «Южного потока») с выходом на сушу в районе пункта Кыййкей в европейской части Турции. Но кто знает, как бы развивались события с проектом, будь принят предложенный Вимом сцена-

рий, непосредственным участником обсуждения которого оказался и я.

Значительная часть российско-европейской дискуссии вокруг проекта «Южный поток» была связана с разногласиями сторон о режиме эксплуатации сухопутной его части на территории ЕС. Январские транзитные украинско-российские кризисы 2006-го и 2009 годов, были слишком свежи в памяти. Поэтому, чтобы избежать даже вероятности повторения украинской ситуации на Балканах, «Газпром» хотел оставить за собой не только право собственности на поставляемый им газ в трубе до пунктов сдачи-приемки (ПСП) газа на границах Австрии и Италии, но и юридическое право контроля за режимом эксплуатации этой создаваемой трубопроводной системы на территории ЕС. Для этого «Газпром» заблаговременно создал совместные предприятия (СП) с национальными компаниями-операторами ГТС в странах Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) по трассе сухопутного продления «Южного потока», чтобы через совместное владение/управление иметь возможность минимизировать технические/операционные риски, связанные с прохождением российского газа по территории ЕС. Позиция ЕС была категорически противоположной и опиралась на действующее в ЕС законодательство (второй и третий энергопакеты), которое не допускало возможности грузоотправителю прямо или опосредованно владеть и/или контролировать трубопровод (т.н. *undundling*). Еврокомиссия не была также готова предоставить «Газпрому» доступ к трубе на суше ЕС на безаукционной основе (ибо считала на тот момент только аукцион недискриминационным принципом доступа к трубопроводным мощностям в ЕС), несмотря на то, что «Газпром» был единственным грузоотправителем-собственником газа на выходе из морской части «Южного потока» и на входе в его сухопутное продолжение в Варне (аналогичная история впоследствии повторилась с «Северными потоками»). Переговоры сторон зашли в тупик. История получила широкую огласку.

В этих условиях Вим и его команда в «Газюни» инициативно подготовили альтернативное предложение, которое мы с ним активно обсуждали и представили руководству «Газпрома» (зампреду правления А.И. Медведеву). Это предложение было построено на процедуре т.н. «открытой подписки» (*open season*), долгосрочном резервировании грузоотправителем («Газпром») создаваемых газотранспортных мощностей на суше ЕС от Варны до Баумгартена/Тарвизио, выделении этого вновь создаваемого газотранспортного маршрута/коридора в самостоятельную изолированную от остальной части ГТС стран юго-восточной Европы (ЮВЕ) «рыночную зону» и т.п.

Компания «Газюни» была готова выступить в роли независимого, квалифицированного, опытного оператора ГТС для такого выделенного в самостоятельную «рыночную зону» вновь создаваемого трансграничного газопро-

вода (такое регуляторное обособление полностью соответствовало бы нормам законодательства ЕС).

Таким образом, Вим и его команда предложили практическое решение, казавшегося на тот момент неразрешимым противоречия в позициях России и ЕС по «Южному потоку», которое и соответствовало бы законодательству ЕС и отвечало бы в полной мере интересам «Газпрома» по обеспечению надежной и бесперебойной транспортировки газа через транзитные государства ЮВЕ. Пусть и в иной организационной конфигурации, чем та, на которой безуспешно настаивал «Газпром».

Опыт «Газюни» как инфраструктурной компании и как оператора ГТС в разных странах ЕС, с одной стороны, и долгий опыт ее сотрудничества с «Газпромом», с другой, гарантировал, что квалификация этого оператора сможет обеспечить необходимый уровень надежности транспортировки газа «Газпрома», поставляемого по сухопутному продолжению «Южного потока» до ПСП в центре Европы. Иначе говоря, транзитные риски внутри ЕС будут минимизированы, надежность поставок и транспортировки – обеспечена.

Это было блестящее, на мой взгляд, предложение Вима и его команды. Но события развернулись по-другому: то ли у руководства «Газпрома» не хватило времени, что-

бы донести эту идею до высшего руководства страны, прежде чем Президент объявил о трансформации «Южного потока» в «Турецкий поток», то ли само руководство «Газпрома» предпочло тогда иную линию действий в данной ситуации. При этом мне достоверно известно, что ключевые фигуры в Еврокомиссии, ответственные за развитие внутреннего энергетического рынка ЕС и внешнее измерение энергетической политики ЕС, активно поддержали это альтернативное предложение Вима и его команды. Одна из причин тому – стойкое нежелание Брюсселя разминать украинские транзитные риски на турецкие, что не решало бы проблему транзитных рисков за пределами ЕС...

Говоря о партнерской надежности «Газюни» для «Газпрома» в то время, следует отметить, что Вим был одной из ключевых фигур в выстраивании этих партнерских отношений. В рамках программы взаимодействия «Газпрома» и «Газюни» (которая продолжалась более 10 лет) Вим был соруководителем рабочей группы по стратегическому сотрудничеству по вопросам, связанным с развитием европейских газовых рынков и ролью газа в будущем энергобалансе.

Вим был назначен Еврокомиссией сопредседателем РГ2 КСГ со стороны ЕС уже после принятия в 2017 году последнего Сетевого кодекса к Третьему энергопакету ЕС и после коррекции в январе 2018 года подхода Евросоюза к «светлому энергетическому будущему» как к «100%-ной электрификации на основе ВИЭ» на «электроэнергия ВИЭ плюс декарбонизированные газы». Поэтому с 2018 года мы перенесли акцент деятельности РГ2 КСГ с регуляторной повестки на вопросы возможного сотрудничества РФ-ЕС в области низкоэмиссионного развития газовой отрасли, оптимальных и взаимовыгодных сценариев возможного участия газовой отрасли РФ в низкоэмиссионном развитии ЕС, включая разнообразные вопросы развития водородной отрасли. Это расширило резко сжавшуюся после 2014 года сферу сотрудничества сторон, поскольку, напомним, «ЭнергодIALOG РФ-ЕС» был тогда приостановлен по инициативе Еврокомиссии по всем направлениям, кроме одного – деятельности РГ2 КСГ.

Поэтому сразу после назначения Вима сопредседателем РГ2 КСГ мы с ним начали готовить позиционный документ (меморандум), своего рода «дорожную карту» дальнейшей работы РГ2 КСГ с учетом меняющихся реалий. Мы рассматривали этот документ как своего рода неформальную хартию РГ2 КСГ (которая оставалась, повторюсь, единственным на тот момент каналом неформального взаимодействия РФ и ЕС в энергетической сфере). Я с эстетическим удовольствием вспоминаю это время конструктивной и плодотворной, истинно совместной работы с Вимом: его интеллектуальная яркость, нацеленность на взаимодействие и взаимопонимание сохранили в моей памяти этот отрезок времени как редкий период

«пиршества духа». Нам тогда удалось, с помощью небольшой группы высококлассных коллег-профессионалов с обеих сторон, собранных воедино специально с целью критического обсуждения этого документа, подготовить наше видение текущей ситуации, стоящих перед сторонами сценариев и нашего будущего – возможных путей движения вперед. По ключевым «срезам» энергетических отношений РФ–ЕС мы представили мотивированные выводы, разделяемые участниками подготовки меморандума. Мы были весьма вдохновлены полученным результатом и начали активно работать над дальнейшим развитием РГ2 КСГ на основе этой хартии. Но увы... эта работа продолжилась всего два года...

Назначение Вима управляющим директором в Терминал СПГ «Гейт» в Роттердаме оказалось весьма полезным для нашей низкоэмиссионной повестки в РГ2 КСГ. Так, например, именно Вим высказал мне в ходе нашего с ним очередного обсуждения идею, которую я впоследствии анонсировал в своем видении участия России в реализации водородной стратегии ЕС в части расширения использования низкоэмиссионного водорода на внутреннем рынке ЕС.

Как известно, основная дискуссия в этой сфере развернулась между РФ и ЕС по вопросу о том, где и как производить и как доставлять в ЕС необходимый для ЕС низкоэмиссионный водород, который страны ЕС не смогут в должных объемах произвести самостоятельно на своей территории. Мы с Вимом были изначально солидарны в том, что производить водород на территории РФ (будь то электролизом воды с использованием электроэнергии избыточных мощностей ГЭС или АЭС, или паровым риформингом метана из природного газа), а затем транспортировать его в ЕС по существующей – общей для РФ и ЕС – ГТС является не только контрпродуктивным, но и категорически неприемлемым, ибо будет вести к техническому разрушению ГТС, не сертифицированной под содержание водорода в транспортируемом метане (проблема «водородного охрупчивания»). Значит, надо поставлять российский газ внутрь ЕС и там, на местах потенциального будущего потребления водорода, в т.н. «водородных долинах» ЕС, производить из метана водород разными способами – паровым риформингом метана (ПРМ) с неизбежным выделением CO_2 , который затем необходимо улавливать и утилизировать (прибрежные «водородные долины»), и/или пиролизом метана, без прямых выбросов CO_2 (внутриконтинентальные «водородные долины»).

Опираясь на свой опыт и практические знания, Вим предложил, чтобы в рамках предложенной мной концепции (основанной на трехэтапном участии «Газпрома» в низкоэмиссионном развитии ЕС), в рамках прибрежных «водородных долин» ЕС, где предлагалось производить водород методом ПРМ, выделяемый при этом и улавли-

ваемый CO_2 , сжижался с применением «энергии холода», выделяемой при регазификации СПГ. Полученный жидкий CO_2 может транспортироваться с побережья Северо-Западной Европы танкерами или по существующим, но развернутым на реверс трубопроводам к истощенным или действующим нефтегазовым месторождениям Северного моря для закачки в продуктивные пласты. Истощенные месторождения будут таким образом использоваться для захоронения CO_2 – в них под воздействием высокой температуры и давления CO_2 будет минерализоваться. В действующих месторождениях закачиваемый в пласт CO_2 будет использоваться для повышения пластового давления и нефтеотдачи.

Мы провели наше последнее – 37-е – заседание РГ2 КСГ в декабре 2021 года в онлайн-режиме и готовились к проведению 38-го, намеченного на раннюю весну 2022 года. Интенсивная подготовка продолжалась до конца февраля. Одна из тем, которую мы согласовали с Вимом для начала обсуждения, – перспективы кооперации по повышению энергоэффективности в зданиях и сооружениях (тема особо актуальная для многоквартирного многоэтажного жилищного фонда России и стран Восточной Европы – бывших членов СЭВ, чей низкоэнергоэффективный дизайн был разработан еще в советский период низких цен на энергию). Наши германские коллеги, в том числе на правительственном уровне, с большим энтузиазмом отнеслись к включению этой темы в повестку, ибо накопили большой опыт в этой сфере после объединения двух Германий. Однако с конца февраля события развернулись по-иному.

Я знаю, что Вим со своей стороны, как и я со своей, старался сделать все возможное, чтобы убедить коллег из Еврокомиссии не останавливать процесс РГ2 КСГ, чтобы сохранился этот неформальный канал взаимодействия сторон, который в период повышенных турбулентностей становится еще более необходимым, чем в период *business as usual*. Увы, политические установки возобладали над здравым смыслом, и с 21 марта 2022 года участие ЕС в процессе РГ2 КСГ было приостановлено. И кто знает, сколь надолго...

Безусловно, лучшей памятью о Виме будет возобновление энергетического сотрудничества ЕС и России к взаимной выгоде своих граждан. Понятно, что теперь это может произойти (и я не сомневаюсь, что в итоге и произойдет, правда, уже, безусловно, при новых политических элитах ЕС) в рамках новой реальности (в частности – новой ценовой реальности для ЕС) и в новой конфигурации такого сотрудничества. Вим Гроенендийк внес свой весомый вклад в развитие и упрочение энергетического сотрудничества между ЕС и Россией – и мы должны быть благодарны ему за это. И мы будем помнить его, в том числе, и за это тоже...

Прощай, Вим. Покойся с миром. 🙏